

— Что привлекло вас к роли?

— Мне прислали сценарий, и он долго валялся у меня дома. Нельзя сказать, что я всю жизнь ждал, когда мне выпадет шанс сыграть снеговика! Я знал, о чем фильм, но не был уверен, что из этого выйдет что-то стоящее. Хотя, с другой стороны, я много раз убеждался, что еще более странные идеи приводили к созданию хороших фильмов. В конце концов я прочитал сценарий, прослезился и сказал: "О'кей, я знаю, мужик не должен реветь, как девчонка, но я чувствую, у этой вещи есть душа." Я встретился с Троем Миллером, который должен был ставить этот фильм, и он мне понравился. И еще мне очень понравилась идея, что мою жену будет играть Келли Престон.

— Что именно понравилось вам в персонаже-снеговике?

— Думаю, каждый из нас может обнаружить в Джеке Фросте частичку самого себя. Это человек, пытающийся быть хорошим отцом и мужем, зарабатывать на хлеб, но при этом он еще и хочет заниматься любимой работой. И в конце концов, понимает, что если не уделять внимания своим родным, то можно потерять все.

— Вы работали "живьем" всего три недели. Большая часть вашего труда — за кадром. Говорят, вы озвучивали Фроста-снеговика еще до того, как аниматоры сделали его. Что вы почувствовали, когда впервые увидели на экране снеговика?

— Это был не такой уж большой шок, потому что я видел макеты и мне показывали, как он будет действовать. Правда, кто-то потом сказал, что я на него очень похож, и это было настоящим шоком! Честное слово. Впрочем, я не думаю, что так и было задумано. Что касается озвучивания, это было вовсе не так забавно, как мне казалось вначале. По правде говоря, была очень тяжелая работенка! Я не очень хорошо представляю себе, как сегодня работают над анимационным фильмом, но мне кажется, при озвучивании мультика неизбежно возникает дистанция между тобой и персонажем. Кроме того, анимационный герой обладает мимикой и пластикой. Когда мы делали "Жучиный сок", я мог, если хотел, пройтись неуклюжей походкой, скорчить физиономию, и все прекрасно ложилось на персонаж. А здесь я был страшно ограничен. Каждый день я спрашивал: "Можно, я сделаю вот так?" — и мне отвечали: "Нет, кукла этого не сделает". "А вот так?" — "Нет, кукла так не может". В какой-то момент я спросил: "А что она вообще может?"

— Вы удивитесь, если анимационная группа получит "Оскар", а вы — нет?

— Ни капельки. Мы все скоро к этому придем. Очень надеюсь, что мой снеговичок станет первопродцом!

— Взаимоотношения между героем и его женой в исполнении Келли Престон выглядят очень убедительно.

— Потому что мы играли их прежде всего друзьями, и только потом уже — мужем и женой. Во-первых, они друг другу нравятся, и только во-вторых, они друг друга любят. Работать с Келли было очень приятно, потому что она не боится казаться на экране глупой и неуклюжей.

— Трудно ли играть, когда твой партнер — ребенок?

— Да, я знаю это по опыту. У меня есть сын. Но я умею работать с детьми. Когда я снимался в "Мистере Мамочке", мне пришлось пройти суровую школу выживания. Я играл отца троих детей и прекрасно сознавал, что слишком молод и неопытен, чтобы иметь троих детишек. Но мне нужно было убедить людей, что я — многодетный отец, и поэтому я решил: все должно быть предельно достоверно. Поэтому я досконально изучил поведение отцов в критических ситуациях — наблюдал за своими друзьями и знакомыми до

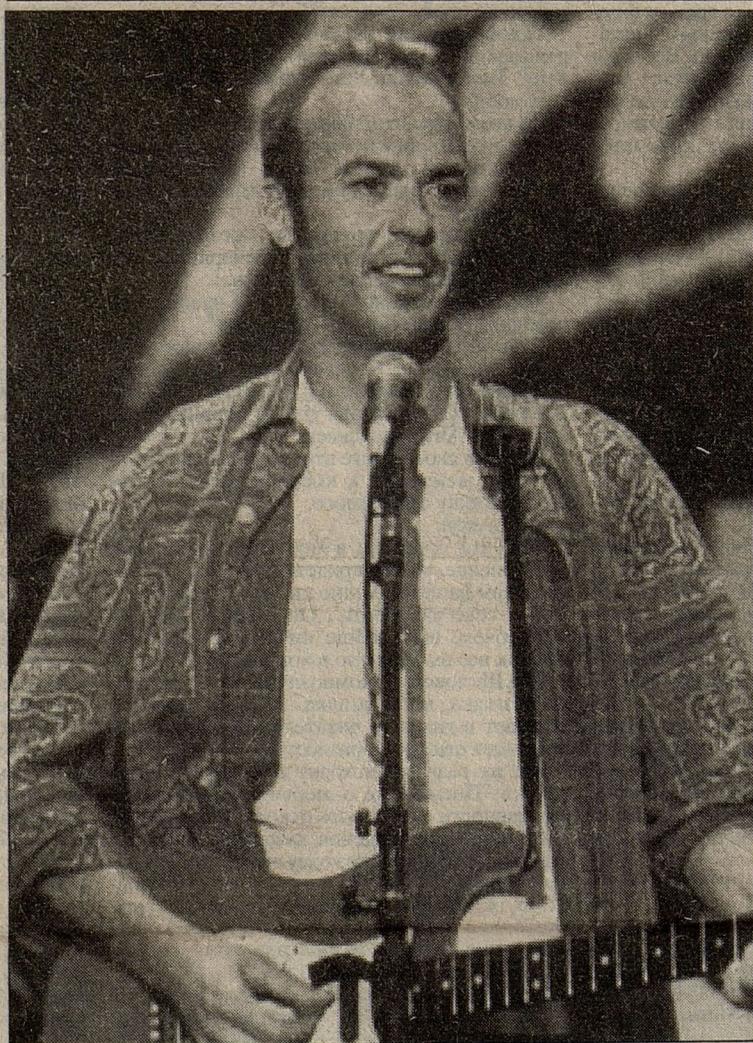
Майкл Китон считает, что в Голливуде его до сих пор не оценили по достоинству. Время от времени он позволяет себе эксцентричные выходы — например, во всеуслышание объявляет себя гением. Время от времени снимается у режиссеров-авторов — Квентина Тарантино (в "Джеки Браун"), Барбета Шредера ("Крайние меры"), Стивена Содерберга ("Вне поля зрения") и других. Но что бы он ни делал, в сознании Америки Китон по-прежнему остается "первым Бэтменом" — тем, которого придумал и воплотил на экране его приятель Тим Бертон.

Сегодня Китон выкинул еще один номер: сыграл снеговика. Герой его новой трагикомедии "Джек Фрост" — музыкант, которому катастрофически не хватает времени на семью. Однажды он замерзает в снегу в рождественскую ночь, а через год возвращается к родным в виде снеговика. В анимационной мастерской изготовили игрушку, Китон ее озвучил и наделил душой.

Клин клином вышибают — может быть, теперь зрители перестанут видеть в нем только Бэтмена?

Майкл Китон: от Бэтмена до снеговика

Сьюзен ХОУАРД

мозолей на глазах! А в "Джеке Фросте" мне еще и повезло с партнером. Джозеф Кросс — замечательный мальчик и замечательный актер.

— Режиссер Трой Миллер раньше много работал с эстрадными юмористами, а вы в начале карьеры выступали на эстраде. Вы легко нашли общий язык?

— Конечно, мне очень помогло то, что Трой чувствует, когда актер находит нужное настроение, нужное слово. Он любит юмористическую эстраду. С ним было легко.

— Раньше вы никогда не играли рок-музыканта. Признайтесь, в роли Фроста вы воплотили свои детские мечты?

— Я никогда не мечтал стать рок-музыкантом. Мечтал стать спортсменом — я много кем мечтал стать, рок-музыкантом никогда. Но я вполне понимаю людей, которым хочется выйти на сцену перед ревушей толпой. Рок-музыка — это, во-первых, чистой воды психотерапия, а во-вторых, чистой воды самовыражение. Я долго об этом думал — можно ли выразить себя и свои чаяния лучше, чем посредством музыки? По крайней мере, люди воспринимают ее на более первобытном, инстинктивном уровне, чем другие

виды искусства. Когда 50 тысяч человек синхронно выплескивают эмоции в воздух — это потрясающе, это невообразимо. Впрочем, нет, вообразимо. Но совершенно иначе, нежели контакт с залом во время юмористического представления. Ты что-то придумываешь, потом шлифуешь, потом опробуешь на ком-то, потом закрепляешь. Это совершенно иной уровень. Нужно найти не только слова, нужно найти их философское осмысление. Вы поняли? Вы почувствовали? Одно дело — понять, другое — почувствовать.

— Вы сами поете в фильме, или вас дублировали?

— На съемках я пел сам. Я очень музыкальный, у меня есть слух. Правда, пою я средне — между плохо и очень плохо. Много лет назад я учился играть на гитаре, и неплохо получалось. Перед съемками пришлось вспомнить былые навыки, чтобы выглядеть на экране убедительно. Но от моей игры в фильме наверняка не осталось ни одной ноты.

— А что сказал ваш композитор Тревор Рэйбин, увидев вас с гитарой?

— Он сказал очень тихо, но отчет-

ливо: "Положи гитару. Пожалуйста".

— Вы расстроились?

— По правде говоря, я не надеялся на похвалы. Я терпеть не могу, когда зрители говорят: "Ах, как хорошо он играет!" или: "Как здорово изображает музыканта!" Мне хочется, чтобы люди восприняли мою игру на гитаре, как нечто совершенно естественное. Однажды мы говорили об этом с Шоном Пенном, и он согласился, что это самая страшная борьба актера с самим собой — сделать так, чтобы никому не захотелось воскликнуть — ух ты, как он здорово изображает! Чтобы все считали, что это не актер, изображающий музыканта, а настоящий музыкант.

— Вы когда-нибудь задумывались над тем, что во многих фильмах прячетесь под маской — в "Жучинном соке", "Бэтмене", а теперь в "Джеке Фросте"?

— Наверное, мою физиономию автоматически хочется спрятать под маской! Не знаю, получается ли это случайно, или я бессознательно ишу ролей, в которых сильна теневая сторона. Наверное, так получилось не случайно, но я никогда не пытался это анализировать. В Бэтмене мне нравится загадка, скрытность. Бэтмен — очень странный опыт. С одной стороны, его было очень весело и легко делать — хорошая роль, хорошие люди на съемочной площадке. С другой стороны, он очень трудно создавался — непонятно, что получалось, какова была мера условности во всем, что мы делали. Что касается "Жучиного сока", мне понравилась идея создать персонаж с нуля — не только характер, но и имидж. Такое можно сделать в очень немногих фильмах.

— Недавно писали, что вас засекли в баре с другим Бэтменом — Вэлом Килмером.

— Я тоже об этом читал. На самом деле мы давно уже создали секретный клуб бывших Бэтменов. Нас там четверо — я, Вэл, Джордж Клуни и Эдам Уэст. И мы сейчас создаем рок-группу "Летающие мыши". Если говорить серьезно, то с Джорджем Клуни я действительно знаком, но по барам мы не опшиваемся.

— Зачем вы снимаетесь в маленьких ролях-камео? У вас есть возможность играть главные роли.

— Не знаю. Я решил сняться в "Много шума из ничего", потому что никто не думал, что я могу играть Шекспира. Я и сам не был уверен, выйдет ли что-нибудь путное. Мне понравился "Генрих V" в постановке Брана, и я решил: с этим человеком интересно поработать и пообщаться. И потом, я однажды учился в шекспировском классе и абсолютно ничего не воспринял! Мне хотелось наверстать на практике упущенное во время учебы. Что касается "Вне поля зрения", я давно являюсь поклонником Стива Содерберга. Думаю, про Квентина Тарантино уточнять что-либо бессмысленно — разве можно отказаться от возможности поработать с таким талантом? И еще: Рэй Николет, мой герой из "Джеки Браун", не совсем обычен: он появляется в нескольких романах Леонарда. Вот просто так перепрыгивает из одной книги в другую, хотя и не является главным героем. Словно человек из реального мира.

— А почему вы в последнее время стали блондином?

— Я перекарасился для фильма, который так и не состоялся. Когда я снимался во "Вне поля зрения", у меня была прядь белокурых волос, но по ряду причин на экране ее не видно. Просто мне надоело все время смотреть в зеркало и видеть одно и то же.

— Если бы у вас сейчас появилась возможность вернуться на сцену — скажем, вам бы предложили выгодный контракт на выступления в ночных клубах — вы бы согласились снова стать эстрадным юмористом?

— Нет, мне нравится то, что я делаю сегодня.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС